

ВОРОНЕЖСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В «СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ» (ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ)

В. В. Шаповал

Московский городской педагогический университет

Поступила в редакцию 14 октября 2009 г.

Аннотация: *представлены образцы критического разбора лексикографических описаний некоторых воронежских диалектизмов. Показано, что компиляция лексических данных разных регионов в СРНГ иногда не совсем точная, а описания редких диалектизмов могут эффективно уточняться в процессе их критического анализа.*

Ключевые слова: *диалектизм, критика словарей, мнимое слово, визуальная нейтрализация графем.*

Abstract: *the article discusses samples of critical analysis of several lexicographic descriptions of dialect words from Voronezh regional dialects. Compiling lexical material of many regions, Dictionary of Russian Dialects [=SRNG] sometimes contains entries which are not exactly accurate. Critical analysis of dictionary entries can help in improving descriptions of several words listed in Russian dialect dictionary.*

Key words: *dialect word, dictionary critical analysis, ghost-word, graphemes visual neutralization.*

Описания диалектных слов русских говоров Воронежской области широко использованы в сводном академическом «Словаре русских народных говоров». Вышедшие в свет выпуски (1–41) данного словаря, по нашим подсчетам, содержат более 10,5 тыс. отсылок к воронежским диалектным материалам разного времени. Почти все эти диалектизмы известны по целому ряду фиксации и нередко представлены и в других регионах Российской Федерации, что является пусть и косвенным, но вполне весомым дополнительным свидетельством корректности их описаний. Таким образом, представленные в интересующем нас словаре лексикографические описания воронежских диалектизмов в подавляющем большинстве случаев не вызывают дополнительных вопросов. Однако в отдельных словарных статьях подача материала, как кажется, не всегда может оцениваться как вполне однозначная. Это может быть вызвано как трудностями интерпретации однократно зафиксированного слова, изолированно с точки зрения словообразовательных связей или бедного иллюстративного материала, так и накоплением неточностей при копировании рабочих записей. Ниже рассмотрены только некоторые примеры, призванные иллюстрировать разнообразие неточностей, возникших в диалектных словарях в результате невнимательного копирования полевого материала. Другие типы неточностей (в грамматической характеристике, толковании и т.п.) также весьма актуальны, но не стали здесь предметом рассмотрения.

Источником ошибок нередко является визуальное смешение букв или их элементов при копировании записи диалектного слова. На этот тип ошибок указывал еще В. И. Даль, отмечая в качестве их причины «нечеткое письмо собирателей» [1, с. 19]. (Соответствующие буквы в цитатах из словарей подчеркнуты нами, знаки ударений сняты.)

В качестве примера рассмотрим случай вероятного смешения букв *м* – *ж*:

1. «**Амышша**, *ы, ж*. Еж. Нижнедев. **Ворон.**, Поликарпов, 1893» [2, вып. 1, с. 253]. По мнению А. Е. Аникина, здесь весьма надежно восстанавливается исходное чтение слова с тем же корнем, что и в слове *ёж*: «Возможно, искаженное *ажышиша* = *ожышиша* (*ежище*)» [3, с. 206]. Тот же самый вариант корня *ож* ‘ёж’ не был опознан также и в географически довольно близком акающем курском говоре и предстал в виде **аоцина* (*ажина* = *ожина*) ‘ежевика’ [3, с. 238].

2. Другой пример смешения букв *м* – *ж* в записи диалектного слова из того же Нижнедевицкого района ранее пока не рассматривался: «**Бадраманя**, *мн*. 1. Баклажаны. Нижнедев. **Ворон.**, 1906. 2. Помидоры. Нижнедев. **Ворон.**, 1906. – Ср. Б а д а л ж а н » [2, вып. 2, с. 41]. Однако несколько ранее то же самое слово фиксировалось в другом виде: «**Бадражания**, *мн*. 1. Баклажаны. Нижнедев. **Ворон.**, 1893. 2. Помидоры. Нижнедев. **Ворон.**, 1893. – Ср. Б а д а л ж а н » [2, вып. 2, с. 40]. Трудно представить, чтобы за 13 лет таким образом поменялось название баклажанов, причем старое название при этом было еще и якобы бесследно забыто. Разумеется, второй способ записи формы *мн. ч. бадражания* вызывает больше доверия,

в конце концов мена плавных сонорных *л – р* встречается довольно часто, а чередование *м – ж* представляется исключительно результатом визуальной ошибки. На реальность варианта с [ж] дополнительно указывает также ряд других диалектных вариантов слова: *бадаржан, бадиджан, бадлажан, бадрижан* [2, вып. 2, с. 38–40].

3. Иногда трудность обоснования ошибки прямо зависит от количества ее повторов в авторитетных источниках. Таков пример смешения букв *д – з* в записи диалектного словосочетания *союзная семья*, документированного, например, материалом донских говоров: «**Союзный**, ая, ое. 1. Дружный, согласный. Даль. *Союзная семья. Дон.*, 1929 <...>» [2, вып. 40, с. 104]. В своем издании великорусских песен А. И. Соболевский привел воронежскую песню «Отлетает мой соколик», со ссылкой на «Воронежские губернские ведомости» (1852. № 34), в неофициальной части которых была опубликована эта («протяжная») песня. В ней было представлено в типовом фольклорном контексте то же самое прилагательное, однако в ошибочной записи *союдный*: «*Соседики – люди злые, Не союдная семья*» [4, с. 411–412, № 528], что в дальнейшем нашло отражение в СРНГ: «**Союдный**, ая, ое. Согласный, дружный. *Соседушки* <sic!> – *люди злые, Не союдная семья. Ворон.*, Соболевский» [2, вып. 40, с. 103]. Вариант *союдный* имеет целый ряд косвенных признаков ошибочной записи (однократная фиксация сомнительного варианта записи слова, наличие более основательно документированного правильного варианта записи, словообразовательная изолированность сомнительного варианта, возможность реконструировать путь возникновения ошибки при подготовке газетного издания).

В вып. 1–41 СРНГ цитаты из воронежских песен собрания А. И. Соболевского использованы 45 раз. При этом только данная цитата повторена дважды, причем оба раза с разными искажениями: «**Соседик**, м. Ласк. Сосед. *Нельзя, душенька, ходить. Соседики – люди злые, Не союзная семья. Ворон.*, Соболевский» [2, вып. 40, с. 41]. Любопытно, что при цитировании во второй раз автоматически восстановлено правильное написание *союзная*, правда, противоречащее источнику.

Вообще говоря, правила работы с источником требуют сохранять все ошибочные записи предшественников. Аналогией в стратегическом плане здесь могут служить антивирусные компьютерные программы, которые, даже уничтожая вирус, заносят его к себе в память на случай следующей встречи. Однако такие неотмеченные исправления все же возникают: причиной тому – инерция восприятия осведомленного переписчика, который такое исправление обычно не замечает и не помечает, потому что производит автоматически. В нашем случае корректиру-

ются те слова в иллюстративной цитате, которые не являются предметом описания в данной словарной статье: *соседики > соседушки, союдная > союзная*.

Такого рода издержки компетенции вполне понятны, хотя нежелательны для словаря. Например, в новом словаре полонизмов *чапка* ‘фуражка’ (пол. *czapka*) иллюстрируется цитатой из романа Богомолова: «“чапки”, что по-польски означает фуражки (Богомолов, с. 227)» [5, с. 273]. Здесь следует уточнить, что в источнике напечатано ошибочно “гапка”: «Мужчины, даже крестьяне, носят шевиотовые костюмы, сорочки с отложными воротничками и “гапки”, что по-польски означает фуражки» [6, с. 364], так же и в первой журнальной публикации [7, с. 45]. Однако при работе с собственноручной выпиской лексикограф, очевидно, автоматически восстановил правильное чтение на месте проблемного *г-ч*. Вероятно, лексикографы в ряде случаев могут машинально улучшать материал, выбирая правильное чтение каких-то сомнительных записей.

4. Практически те же косвенные признаки (единичность, изолированность) ошибочной расшифровки рабочей записи, приведшей в данном случае уже к визуальному смешению *к – н*, представлены в следующей словарной статье: «**2. Марко**, нареч. Напрасно. **Ворон.**, 1964» [2, вып. 7, с. 374]. Ср.: «**2. Марно**, нареч. Напрасно. *Марно ты туды ходишь. Зап. Брян.*, 1954» [2, вып. 7, с. 375]. Там же отмечены исторически однокоренные диалектизмы: *марнеть* ‘слабеть, хиреть, чахнуть’, *марный* ‘усталый, измученный, исхудалый’, которые М. Фасмер связывает с *мара* ‘призрак, грезы, наваждение’, ср. укр. *марний*, блр. *марны*, др.-рус. *замарьнь* и др. [8, т. 2, с. 575, 571].

Любопытно отметить, что не отраженный в СРНГ однокоренной глагол *марновать* ‘тратить попусту [напрасно], терять (напрасно); расточать’ (южнорусский аналог украинского *марнувати*), известный, по крайней мере, в кубанских говорах: *марнувать, марэнувать* ‘волокитить, тратить время зря, издеваться’ [9, с. 134], – воспринимается ныне как формально не вполне ясный вариант глагола *мариновать*: ‘**1.** Заготавливать что-н. впрок, помещая в маринад’ > ‘**2. перен.** Намеренно задерживать в каком-н. одном положении, состоянии, надолго откладывать решение чего-н. (разг. ирон.)’. Здесь можно предполагать, что народная этимология создала некоторую иллюзию связи с *мариновать*, чем могла ощутимо поспособствовать сохранению диалектного слова в экспрессивной разговорной речи.

5. Иногда запись воронежского слова соседствует с формально близкой фиксацией: «**Натица**, ы, ж. 1. Ботва огородных растений <...> *Чечевичная натица. Ворон.* <...> **Краснояр., Волгогр.**»; но: «**Натица**, и, ж. [удар. ?]. Виноградная лоза. **Ставроп.**, Панова,

1938–1953» [2, вып. 21, с. 219]. В этом случае обращает на себя внимание то, что первый вариант записи зафиксирован несколько раз и в различных регионах, а второй вариант – только однократно. Это не является окончательным доводом в пользу ошибки, но довольно часто наличие нескольких фиксаций все же перевешивает доказательность однократного свидетельства. Кроме того, *натина* имеет ряд производных и характеризуется широкой вариативностью: *нетина, нитина, нятина* [2, вып. 20, с. 175, 240, 335]. Ср. также соображения о происхождении слова *натина*, широко представленного в восточнославянских диалектах [8, т. 3, с. 48–49]. С учетом всего комплекса доводов можно заключить, что запись *натика* ‘виноградная лоза’ является, по всей вероятности, ошибочной и должна читаться либо как *натина*, либо вообще как *пашина* (ср. также основательно документированное: «2. **Пашина**, ы, ж. 1. Ветка виноградной лозы. **Дон.**, 1897» [2, вып. 25, с. 305]). Этот пример показывает, насколько трудно бывает внести однозначное исправление в обнаруженную сомнительную запись. По этой причине и следует сохранять такие записи неизменными, но при этом помечать то, что вызывает вопросы.

6. Запись, по крайней мере, одного сомнительного воронежского диалектизма вызвала оживленную дискуссию (см. подробнее: [10, с. 147–149]): «**Одын**, а, м. “Сруб для покойника”. Заволжье, **Ворон.**, Бломквист» [2, вып. 23, с. 70], – с загадочными кавычками в толковании. А. Б. Страхову удалось, по-видимому, правильно определить источник – капитальную работу Е. Э. Бломквист о восточнославянских постройках: «Ценный материал по древним срубам на территории восточных славян дали срубные погребения различных периодов, например, памятники срубной культуры бронзового века (около середины II тысячелетия до н. э.), встречающиеся на огромной территории от Днепра и Азовского моря до Оки и Урала, с центром на среднем течении Дона (В о р о н е ж с к а я о б л .). Носители этой культуры, исследованной наиболее детально на Харьковщине и З а в о л ж ь е, хоронили своих покойников в срубах, покрытых сверху плахами и бревнами. Широко известны срубные погребальные камеры скифов (VI в. до н.э.). Особенно интересны курганные погребения <...> (например, гробницы IX–X вв. в Киеве, срубленные “в обло” из дуба; срубы в курганах XI–XIII вв. на Волынской и др.). Эти рубленные дома для мертвых назывались *о ды н*, т.е. постройка» [11, с. 13, прим. 1]. В цитате выделены разрядкой те элементы, которые процитированы в СРНГ. Сомнительное воронежское *одын* соответствует древнерусскому **бдынь** [12, с. 338–341], т.е. является опечаткой, возникшей на месте *бдын*. Но и последнее в цитате соотносится с серединой II тысячелетия или, в лучшем случае, VI в.

до н.э., при этом остается неясным, называли ли «воронежские» скифы *бдын бдыном* (как древнерусские источники) или как-то иначе, не прояснены до конца также вид и ритуальное назначение этого сруба. Таким образом, здесь явный анахронизм не позволяет говорить об актуальной диалектной лексеме *одын* / **бдын*. Кроме того, (восточное, саратовское [?]) *Заволжье* не входит в территорию «**Ворон.**», даже если понимать ее расширительно в границах прежней губернии.

Немало спорных фиксаций возникает в словарях и других описаниях диалектной лексики вследствие неправильной разбивки элементов рукописной фиксации на отдельные буквы [13, с. 235]. Результаты графических переразложений, приводящих при копировании рабочей записи диалектного слова к новому и часто вполне фантомному чтению, как отмечает А. Ф. Журавлев, все еще нуждаются в полномасштабном рассмотрении [14, с. 183–184].

7. Переразложение *х – ос* усматривается А. Ф. Журавлевым в записи воронежского диалектного названия растения [15, с. 178]: «**Маосорник**, а, м. [удар. ?]. Растение *Adonis vernalis* L., сем. лютиковых; адонис весенний, горичвет. **Ворон.**, Анненков» [2, вып. 17, с. 367]. Ср. напр.: «**Махорник**, а, м. Растение перистый ковыль <...> **Дон.** <...>» [2, вып. 18, с. 51].

8. Сложное переразложение в графической группе *ох – ас* можно, видимо, заподозрить и в следующей фиксации: «**Охлон**, а и у, м. Скамья. Павлов. **Ворон.**, Архив РГО. – Ср. Ослон» [2, вып. 25, с. 35]. Если запись не отразила индивидуального дефекта произношения, то надо согласиться с указанием словаря на синонимию с ординарным *ослон*: «4. Переносная скамейка в избе. **Южн.**, **Зап.**, **Даль**» и мн. др. [2, вып. 24, с. 24]. Тогда естественно предполагать, что *охлон* возникает в результате ошибки при копировании записи *аслон*.

Обнаруживаемые косвенные признаки вероятно ошибочной расшифровки рабочей записи не всегда оказываются достаточными и/или подтверждаются в результате детального анализа, например: «**Малюпонький**, ая, ое. Маленький, малюсенький. *Малюпонький детенок*. Дмитр. **Ворон.**, 1952» [2, вып. 17, с. 346] – это единичная фиксация. У нас нет других печатных источников для подтверждения этого варианта прилагательного, а их целенаправленный поиск может занять много времени и с большой степенью вероятности оказаться безрезультатным. Обратимся к сети Интернет. Поисковик Яндекс показывает нам, что различные люди по всей России употребили в своей неформальной письменной речи прилагательное *малюпонький* 9 раз, Гугл видит только 4 таких контекста. Таким образом, реальность данного прилагательного и его осязаемое распространение удастся доказать. Однако не каждый случай, когда име-

ются некоторые основания подозревать неточность в словаре, к счастью, подтверждается. При критическом анализе лексикографического материала обнаружение дополнительных доводов в пользу корректности описания редкого слова всегда доставляет больше радости, чем подтвержденные неточности.

Итак, по целому комплексу признаков (неясность морфемного членения, отсутствие производных слов, наличие синонима с немотивированным отличием в записи и др.) довольно просто заподозрить сомнительную запись диалектного слова. Однако процедура проверки, особенно исправления такой словарной записи, представляется весьма непростой. При этом статус «ошибки» в каждом отдельном случае нуждается в тщательном уточнении: это может быть и реальное диалектное слово, не фиксировавшееся ранее по причине его малоупотребительности, и результат ослышки при фиксации или описки при копировании рабочей записи, иногда это оказывается неверной трансформацией общеизвестного слова, впервые встреченного неопытным собирателем диалектного материала именно в местной речи. В любом случае представляется важным следующий принцип: исправлять, т.е. менять, полевой диалектный материал, представленный в словаре, можно только на основе другого материала, сохраняя и исходную запись, которая должна быть помечена как ошибочная. При этом приходится признать, что абсолютно объективных критериев для сравнения доказательной силы различных иллюстративных примеров до сих пор не выработано.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1863. – Т. I. – С. XIX.
2. Словарь русских народных говоров. – Л. ; СПб., 1965–2007. – Вып. 1–41.
3. *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. – М., 2007. – Вып. 1 (а-аяюшка).

Московский городской педагогический университет

*Шаповал В. В., кандидат филологических наук,
доцент кафедры методики преподавания истории*

E-mail: liloro1@yandex.ru

Тел.: (495) 181-580-72

4. Великорусские народные песни / изд. А. И. Соболевский. – СПб., 1896. – Т. 2.

5. *Шетэля В. М.* Историко-этимологический словарь полонизмов русских текстов XIX–XX вв. / В. М. Шетэля. – М., 2007.

6. *Богомолов В. О.* Момент истины / В. О. Богомолов. – М., 1985.

7. *Богомолов В. О.* Момент истины / В. О. Богомолов // Новый мир. – 1974. – № 11.

8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 1986–1987. – Т. 1–4.

9. *Ткаченко П.* Кубанский говор. Опыт авторского словаря : справ. издание / П. Ткаченко. – М., 1998.

10. *Добродомов И. Г.* О призрачных словах у лексикографов / И. Г. Добродомов, В. В. Шаповал // *Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi.* – Opole, 2005.

11. *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) / Е. Э. Бломквист // *Восточнославянский этнографический сборник.* – М., 1956.

12. *Страхов А. Б.* О мнимой призрачности древнерусского **бдынь** / А. Б. Страхов // *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology.* – Cambridge ; Massachusetts, 2005. – Vol. 13, № 1.

13. *Шаповал В. В.* Словарь как гипертекст и аспекты лексикографической критики / В. В. Шаповал // *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании : сб. науч. статей.* – М., 2009. – Вып. 8, т. 1.

14. *Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А–З / А. Ф. Журавлев // *Dialectologia slavica : сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна : 4. Исследования по славянской диалектологии.* – М., 1995.

15. *Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 4: СРНГ, Н–О / А. Ф. Журавлев // *Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография.* М., 2001.

Moscow City Pedagogical University

Shapoval V. V., Candidate of Philological Science, Associate Professor, Department of Methods of Teaching History

E-mail: liloro1@yandex.ru

Тел.: (495) 181-580-72